

Стрижевский К.А., Марцинковская Т.Д.

Связь уровня одиночества с проявлением киберostrакизма

Strizhevsky K.A., Martsynkovskaya T.D.

The relationship between the level of loneliness
and the manifestation of cyber-ostracism

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

*Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
Московский институт психоанализа, Москва, Россия*

Современное общество характеризуется высоким уровнем цифровизации, что существенно изменяет характер социальных взаимодействий. Социальные сети и мессенджеры становятся основой для формирования и поддержания социальных связей, но также могут служить источниками негативных явлений таких, как, например, киберostrакизм. Его воздействие на психическое здоровье, особенно в контексте чувства одиночества, остается малоизученным, что определяет актуальность данного исследования.

Целью настоящего исследования стало выявление и описание особенностей переживания киберostrакизма пользователями социальных сетей с различными личностными характеристиками и уровнями одиночества, а также анализ взаимосвязи между этими феноменами.

В качестве эмпирических методов были использованы: шкала киберostrакизма (Cyberostracism Scale), краткий опросник большой пятерки (ГТРП), краткая версия дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к), а также авторский опросник использования социальных сетей. Математико-статистический анализ данных включал корреляционный анализ и применение критериев Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса. В исследовании приняли участие 172 респондента (138 женщин и 34 мужчины) в возрасте от 18 до 72 лет; выборка – простая рандомизированная.

Результаты показали, что молодые люди (18–25 лет) чаще испытывают одиночество при переживании киберostrакизма, в то время как у старших возрастных групп (41 и более лет) влияние киберostrакизма на одиночество проявляется иначе. Личностные характеристики такие, как экстраверсия и эмоциональная стабильность, также оказывают значительное влияние на восприятие и переживание киберostrакизма. В частности, результаты свидетельствуют, что экстраверты и эмоционально стабильные люди менее подвержены влиянию киберostrакизма и ощущению одиночества.

Исследование подтверждает тесную связь между киберостракизмом и уровнем одиночества, при этом возраст и личностные черты значительно влияют на интенсивность переживания.

Ключевые слова: киберостракизм, одиночество, социальные сети, цифровое общество, личностные факторы, цифровая коммуникация и изоляция

Для цитирования: Стрижевский, К.А., Марцинковская, Т.Д. Связь уровня одиночества с проявлением киберостракизма // Новые психологические исследования. 2024. № 3. С. 241–268. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_11

Введение

Цифровые устройства, гаджеты, социальные сети, блоги и невероятная доступность информации и различных способов коммуникации сделали процесс коммуникации значительно проще для людей разных поколений (Марцинковская и др., 2023). И это неудивительно — современные средства коммуникации позволяют передавать информацию мгновенно, что способствует оперативному обмену сообщениями. Также они предлагают целый спектр ранее невозможных способов: текстовые сообщения, видеозвонки, голосовые сообщения, причем преодолевая любые географические барьеры.

В условиях COVID-19 миллионы людей были вынуждены перейти на удаленную работу и на домашнее/дистанционное обучение. Это не только изменило то, как устроено физическое пространство рабочих и учебных мест, но и привело к интеграции цифровых инструментов в рабочие и образовательные процессы, продолжая сохранять свою актуальность и после снятия ограничительных мер (Brynjolfsson, Horton, 2020).

Цифровая реальность, неразрывно связанная с цифровым обществом, становится все более обыденной и рутинной, и как таковая обретает принципиально новую форму повседневности — цифровую повседневность, которая рассматривается как новая форма существования, способная предоставлять как возможности для самореализации, так и создавать новые барьеры: смешанные пространства (реальные и виртуальные) позволяют людям самореализовываться и адаптироваться к новым условиям, при этом они создают также и новые риски — проблемы для психологического благополучия, безопасности и конфиденциальности персональных данных, личного пространства и профессионального роста людей (Марцинковская, 2023).

Цифровая повседневность является относительно новым феноменом, следовательно, представляет ряд угроз и проблем: было выяснено, что молодые люди, даже следуя определенным нормам виртуального взаимодействия, созвучным социальным нормам взаимодействий, используя знания о цифровой гигиене и использовании защитных программ и средств, критическим навыкам оценки информации, все же не чувствуют себя уверенными в цифровой среде, что может быть связано с ощущением «непрозрачности» и неконтролируемости многих процессов в цифровом пространстве таких, как, например, утечки конфиденциальных личных данных, слежка за пользователями (Белинская, Шаехов, 2023).

Пагубное влияние цифрового мира на психологическое, психическое здоровье и благополучие до сих пор остается темой активных дискуссий среди ученых. В одном из последних крупномасштабных предпроектных исследований за рубежом была выявлена незначительная связь между ежедневным использованием цифровых технологий и психологическим состоянием подростков (Odgers, Jensen, 2020), которая не позволяет определить причинно-следственную цепочку и, как ожидается, вряд ли будет иметь какое-либо клиническое или практическое значение. Относительно проблематики одиночества в другом исследовании было выяснено, что скука и одиночество опосредуют связь между симптомами депрессии и вероятностью проблемного использования интернета у молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет (Orsolini, Longo, 2023).

Опираясь на методологию Берзонски, который выделил три стиля идентичности: информационный, или Informational Style Identity, нормативный стиль идентичности, или Normative Style Identity, и диффузный стиль или Diffused/Avoidant Identity Style (Berzonsky, 2011), в современных российских исследованиях по выявлению и изучению социально-психологических характеристик пользователей и их связи со стилем идентичности, а также в исследовании стиля идентичности людей с разными типами восприятия информации и их отношением к изменениям было установлено, что цифровая идентичность характерна для более молодых людей, а нормативный и диффузный стили идентичности оказались присущи более возрастной аудитории (Андреева, 2022). Неудивительно, что для более молодых людей характерен цифровой стиль идентичности, причем реализуется он по-разному – подтверждено, что интернет является основным источником информации, а цифровое пространство играет

всё более значимую роль в формировании цифровой идентичности подростков (Голубева, 2020).

Коммуникация, как и другие сферы, оказалась под влиянием всеобщей цифровизации, цифрового общества и логичным образом изменяется. Особенность подобного смешанного взаимодействия состоит в приобретении ощущения такой же значимости и эмоциональной насыщенности событий и впечатлений из виртуального мира, как и у происходящих в реальной жизни (Марцинковская и др., 2023). Цифровая повседневность предоставляет возможности глубокого и иммерсивного погружения в сетевые активности и контент, что, в свою очередь, создает иллюзию присутствия и участия в виртуальных событиях, а это усиливает эмоциональное вовлечение и ощущение реальности происходящего (Орестова, Филиппова, 2022). Взаимодействие и поддержание связей в цифровом пространстве, в частности в интернете, также предоставляет возможность людям преодолевать некоторые барьеры, которые в ином случае могли бы препятствовать их общению с другими (такие личные характеристики, как гендер, возраст, расовые различия, или физические особенности такие, как инвалидность или любая форма реальной или предполагаемой стигматизации) (McKenna et al., 2002). С другой стороны, в исследовании Халфман и Ригер было установлено, что социальное давление оказывает негативное косвенное воздействие на психологическое благополучие, а также косвенное воздействие на стресс и негативный аффект – эти последствия были обусловлены влиянием социального давления, когда желание быть автономным вступает в конфликт с необходимостью соответствовать ожиданиям других (Halfmann, Rieger, 2019).

С распространением цифровых технологий и социальных сетей формы человеческого общения и взаимодействия значительно изменились. Виртуальные платформы открыли новые возможности для мгновенного обмена информацией и глобального взаимодействия, устраняя географические и временные ограничения. Однако наряду с этими преимуществами, цифровая коммуникация также породила множество новых рисков и феноменов таких, как номофобия, гостинг, орбитинг, фишинг, фаббинг, кибербуллинг и киберостракизм, тесно связанных с особенностями виртуального взаимодействия.

Среди феноменов можно выделить номофобию, то есть психологическое состояние, при котором у человека появляется фобия или страх остаться без мобильного телефона или другого средства

цифровой коммуникации (Bhattacharya, Bashar, 2019). В систематическом обзоре, проведенном в 2023 году, было выявлено несколько особенностей, вызванных номофобией и являющихся прямыми или косвенными ее последствиями: повышенный уровень тревожности, особенно увеличивающийся при длительном отсутствии доступа к мобильному телефону, повторяющиеся приступы тревоги, снижение успеваемости у подростков, ухудшение качества сна, снижение выработки мелатонина и бессонница и нарушение режима сна (Daraj, 2023). Другой феномен – культура отмены – с давних времен является инструментом социального контроля людей. В социальных сетях она представляет собой форму публичного осуждения, направленную на распространение общественного дискурса и продвижение толерантности, но она также может рассматриваться как форма нетерпимости к противоположным мнениям (Velasco, 2020). Культуру отмены называют дисфункциональным механизмом социальной регуляции, формирующимся по следующим причинам: патологическая самоправедность пользователей, склонность к поверхностным выводам и неадекватная и явная агрессия, часто проявляющаяся в виде стигматизации и травли (Шураева, Коринец, 2022). Культура отмены, таким образом, несмотря на свои потенциальные положительные аспекты, может превращаться в инструмент подавления свободы мыслей и способствовать социальному напряжению.

Стоит учитывать, что современные интернет-феномены остаются в имеющихся работах не до конца исследованными и операционализированными, в частности, это относится к их определениям. Гостинг и орбитинг – это похожие между собой феномены, которые в основном применимы к романтическим отношениям, но могут быть применимы и к дружеским и другим отношениям в цифровой среде. Гостинг (от англ. ghost – призрак) – это внезапное прекращение общения с кем-то без объяснений (Ghosting..., n.d.). Это понятие может быть использовано и в реальной жизни, а вот орбитинг – похожее явление, но возникает только при виртуальных взаимодействиях и объясняется как ситуация, в которой кто-то из прошлого, часто бывший любовник, сохраняет присутствие в жизни, без участия во взаимодействии и на периферии вашей жизни, иногда ставя лайки на посты, просматривая истории и оставляя комментарии, но никогда полностью не восстанавливая контакт и не проясняя своих намерений (What Does It Mean ..., 2023). Хотя это может показаться безобидным, исследования демонстрируют связь между тревожно-

стью в привязанности и ситуацией, когда человек становится жертвой гостинга (Powell, 2021).

С ростом активности в социальных сетях зависимость от них часто вызывает у пользователей беспокойство по поводу пропущенных публикаций и упущенной информации. FoMO (от англ. Fear of missing out — страх что-либо пропустить) объясняется как чувство упущенной жизни, которую другие демонстрируют в социальных сетях и которую стоит видеть, что связано с нездоровым использованием социальных сетей (Riordan et al., 2021), хотя описанное и не является феноменом виртуального взаимодействия, но прямо или косвенно оказывает на него влияние. Чтобы удовлетворить определенные потребности, люди остаются постоянно подключены к социальным сетям и постоянно используют смартфоны, чтобы узнавать о страницах, обновлениях и публикациях тех людей, за которыми они следят, и удовлетворять свое любопытство (Yang et al., 2021). Люди, испытывающие чувство, что они исключены, логичным образом хотят избавиться от стресса. Вдобавок к этому исследование М. Меллиани и других показало, что FoMO приводит к напряжению, беспокойству и чувству неполноценности (Melliani et al., 2023).

Социальные медиа-платформы обладают уникальными особенностями, способными сделать онлайн-домогательства более повсеместными и вредоносными – например, возможность создавать анонимные аккаунты или псевдонимы затрудняет привлечение виновных к ответственности, а скорость передачи сообщений в современном виртуальном пространстве и охват огромного количества людей социальными медиа также могут усиливать воздействие домогательств, поскольку сообщения или комментарии быстро распространяются на широкую аудиторию (Dhiman, 2023). Кибербуллинг – одна из форм исключаящего и агрессивного поведения, которая «перекочевала» в цифровое пространство из реального мира, где она воплощена в виде буллинга, – обычно представляет собой несанкционированный доступ к чьему-либо аккаунту и публикацию слухов, угроз, навешивание уничижительных ярлыков без разрешения пользователя (Singh et al., 2020).

Кириаку и Зуин выделяют следующие виды кибербуллинга: флейминг (отправка гневных, грубых и непристойных сообщений о человеке в онлайн-группы или самому человеку по электронной почте или другим текстовым сообщением); онлайн-домогательства (многократные оскорбительные сообщения по электронной почте или через текстовые сообщения другому человеку); киберпреследование

(домогательство, включающее онлайн-угрозы причинения вреда); клевета или троллинг (отправка вредоносных, ложных или жестоких утверждений о человеке другим людям или размещение таких материалов в интернете); притворство кем-то другим и размещение материалов о человеке, которые выставляют жертву в плохом свете; аутинг (outing), или разоблачение (отправка или размещение материалов о человеке, содержащих личную или унижительную информацию) (Kyriacou, Zuin, 2016). Социальная изоляция и суицидальные мысли тесно связаны с инцидентами кибербуллинга — это факт, подтвержденный лонгитюдными исследованиями в Китае, Канаде, Тайване, Соединенных Штатах Америки и Намибии (Ademiluyi et al., 2022). Среди методов, которыми можно обнаружить кибербуллинг в социальных сетях: машинное обучение (machine learning), глубокое обучение (deep learning) и гибридное обучение, однако определить наиболее точные модели и классифицировать оскорбительные слова представляет собой сложную задачу (ALjohani et al., 2023).

Говоря об исключаяющих видах цифровых взаимодействий, стоит особенно выделить киберостракизм, являющийся объектом нашего исследования. В российской научной литературе проблема киберостракизма пока не получила достаточного внимания, что приводит к отсутствию единого и общепризнанного определения этого явления. В наиболее ранних зарубежных исследованиях, например, в статье Уильямса и его соавторов, которая, по сути, является самым первым упоминанием киберостракизма в научной литературе, приводится следующее определение: «любое намеренное или воспринимаемое исключение в коммуникационных режимах, кроме общения лицом к лицу. Это включает, но не ограничивается, отсутствием ответа на почту, телефонный звонок или, как в данном случае, игнорирование в Интернет» (Williams et al., 2000, p. 79).

Киберостракизм, как и остракизм в физическом мире, происходящий в личных отношениях, вызывает негативные психологические последствия и угрожает базовым потребностям каждого человека: потребности в принадлежности, самооценке, значимости существования и контроле (Van Beest, Williams, 2006). Было исследовано, что именно коммуникация, а не простое использование является ключевым фактором в создании чувства принадлежности. Когда обмен информацией или обратная связь ограничены, страдает чувство принадлежности (Tobin et al., 2015). Это особенно важно отметить в контексте киберостракизма, ведь именно отсутствие обратной связи может являться катализатором для негативных последствий психологического благо-

получия. Даже такая, казалось бы, обыденная вещь, как наличие или отсутствие лайков на постах в социальных сетях, может существенно влиять на базовые потребности личности. Исследования Уолф и коллег подчеркнули, что люди, которые не получают лайков на своих постах или профилях, демонстрируют значительное снижение уровней удовлетворения базовых потребностей, что является типичным последствием остракизма (Wolf et al., 2015). Позднее это было вновь подтверждено в исследовании Тимео и коллег на выборке из детей предподросткового возраста – дети, получающие меньше лайков, чем другие, сообщали о более высоких уровнях угрозы базовым потребностям и негативных эмоциях (Тимео et al., 2020). Другие авторы также подтверждают, что даже мягкая форма киберostrакизма такая, как отсутствие реакций со стороны незнакомцев на опубликованный пост, может привести к негативным эмоциональным и поведенческим последствиям (Galbava et al., 2021). Таким образом, отсутствие положительной обратной связи в цифровом пространстве может подрывать многие базовые потребности, например, чувство принадлежности, самооценку и значимость существования, подчеркивая важность социальной валидации в онлайн-взаимодействиях.

Важно отметить, что восприимчивость к киберostrакизму зависит от различных индивидуальных факторов. Например, в исследовании Ванг и соавторов было установлено, что люди с высоким уровнем психологического стресса были более чувствительны к киберostrакизму (Wang et al, 2022). Интересно, что не только личные характеристики, но и восприятие самого феномена ostrакизма могут влиять на поведенческие реакции людей. В одном из исследований было обнаружено, что участники, которым внушали, что ostrакизм вреден, вели себя более агрессивно, чем те, кому внушали, что ostrакизм может способствовать их росту и развитию – участники этой группы больше не проявляли агрессию (Roop, Chen, 2016). Современные исследования показывают, что, несмотря на обилие связей и полную погруженность в коммуникативное виртуальное пространство, современный человек все более ощущает одиночество – отсутствие реального живого общения становится все более остро переживаемым, даже на фоне активного виртуального взаимодействия (Соловьева, 2023). Этот феномен указывает на глубокие изменения в восприятии и переживании одиночества в условиях цифрового общества, что напрямую связано с темой влияния одиночества на переживание киберostrакизма.

Эмпирическое исследование

Цель исследования состоит в поиске и описании особенностей переживания киберостракизма пользователями соцсетей с различными личностными характеристиками и уровнями киберостракизма.

Вопросы исследования

Проявления киберостракизма и его связь с общим уровнем одиночества различаются у людей разных возрастных групп.

Ощущение непрямого исключения при переживании киберостракизма значительно различается между взрослыми средних и старших возрастов.

Молодые люди чаще испытывают потребность в постоянном общении, в отличие от старших респондентов.

С возрастом возрастает роль позитивного одиночества, так как старшие люди чаще находят ресурс в уединении.

Выборка исследования

Исследование было проведено с использованием метода простой рандомизированной (случайной) выборки, которая представлена гражданами РФ из Москвы, всего 172 человека. В исследовании приняли участие 138 женщин и 34 мужчины в возрастах от 18 до 72 лет. Средний возраст участников составил 32 года, медиана – 30 лет. Для женщин средний возраст составил 33 года, для мужчин – 31 год. Большинство респондентов имеют высшее образование, студенты составили 26,16% выборки, 63,37% респондентов имеют полную занятость.

Методы

Использовались следующие психометрические методы и диагностические шкалы.

– Шкала киберостракизма (Cyberostracism Scale), авторы – Хатун и Демирчи (Hatun, Demirchi, 2022);

– Краткий опросник большой пятерки (ТТPI) – КОБП. Разработан Гослингом и коллегами (Gosling et al., 2003), переведен и адаптирован для использования в России (Корнилова, Чумакова, 2016);

– Краткая версия Дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к). Методика создана и валидизирована на основе авторской модели отношения к одиночеству (Осин, Леонтьев, 2013).

Для первичной обработки данных применялась программа Microsoft Excel. Для статистических и математических расче-

тов был использован язык программирования Python совместно с библиотеками Pandas, который применялся в первую очередь для чтения и сохранения файлов и описательных статистик, библиотека SciPy – для подсчета основных статистических параметров (нормальности распределения, критериев Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса и статистической значимости), а также библиотеки Matplotlib и Seaborn для построения графиков. Для расчета статистической мощности использовалась программа G*Power. Для подтверждения основной гипотезы рассчитывалась поправка Бонферрони.

Результаты и обсуждение

Первый этап исследования заключался в изучении использования респондентами социальных сетей.

Большинство респондентов (33,14%) используют социальные сети 1–2 часа в день, тогда как около 23% проводят в социальных сетях значительное количество времени — от 4 и более чем 5 часов в день. С увеличением времени, проводимого в социальных сетях, средний возраст респондентов уменьшается. Так, средний возраст респондентов, находящихся менее часа в социальных сетях, составляет 34 года для мужчин и 46 лет для женщин. Среди тех, кто проводит 1–2 часа в день, средний возраст составляет около 31 года для мужчин и 37 лет для женщин. Для тех, кто проводит 4–5 часов в день, средний возраст составляет примерно 31 год для обоих полов. Респонденты, проводящие более 5 часов в социальных сетях, имеют средний возраст 23 года для мужчин и 27 лет для женщин.

Женщины в среднем уделяют больше времени социальным сетям по сравнению с мужчинами, а молодежь, особенно женщины, склонна проводить больше времени в интернете по сравнению со старшими группами. Также молодые респонденты (21–30 лет) чаще имеют закрытые профили: в возрастной группе 21–25 лет 32,20% женщин и 11,86% мужчин закрывают свои профили. В возрастной группе 26–30 лет 29,41% женщин имеют закрытые профили, в то время как среди мужчин это значение равно 0%. С возрастом тенденция к закрытию профилей снижается, особенно в группах старше 50 лет.

Процентное распределение показывает, что большинство респондентов, независимо от пола и возраста, склонны рассказывать о своей жизни редко и/или общими фактами. Эта тенденция особенно выражена среди женщин старше 41 года (89,19%). Мужчины и женщины в возрасте 18–25 лет демонстрируют различное отношение к контенту в социальных сетях. Мужчины этой возрастной группы чаще

публикуют посты как на личные, так и на отвлеченные темы (64,71%), тогда как значительное количество женщин (37,74%) посвящает их исключительно себе.

Мессенджеры являются наиболее популярным способом общения для большинства респондентов, особенно среди мужчин (75%) и женщин (54,9%) в возрастной группе от 26 до 40 лет. Личное общение остается значимым, особенно среди женщин старше 41 года (52,94%) и женщин в возрасте 18–25 лет (50,94%). Мужчины также предпочитают личное общение, особенно в возрастных группах 18–25 лет (41,18%) и старше 41 года (40%).

Восприятие реакции окружающих на публикации в соцсетях также варьируется в зависимости от пола и возраста. Мужчины старше 41 года (100%) наиболее спокойно относятся к реакциям на их публикации, в то время как женщины всех возрастных категорий проявляют более высокую эмоциональную оценку фидбэка, особенно женщины старше 41 года (17,65%).

Мужчины и женщины также различаются в значимости, придаваемой лайкам, репостам и комментариям. Среди мужчин 18–25 лет и 26–40 лет почти половина респондентов считает эти социальные сигналы важными (52,94% и 50% соответственно). У мужчин старше 41 года значимость лайков и комментариев еще выше — 60%. В отличие от мужчин, женщины всех возрастных категорий в меньшей степени придают значение этим социальным сигналам, особенно в старших возрастных группах (79,41% женщин старше 41 года и 67,92% женщин 18–25 лет считают лайки и комментарии неважными).

Данные опросника показывают значительные возрастные и гендерные различия в использовании социальных сетей, восприятии их значимости и приватности, а также в предпочтениях способов общения. Молодые люди, особенно женщины, тратят больше времени на социальные сети и более склонны закрывать свои профили, что свидетельствует о повышенном внимании к вопросам приватности в младших возрастных группах. С возрастом эта тенденция снижается, как и значимость социальных сигналов таких, как лайки и комментарии, особенно среди женщин старшего возраста.

Мужчины, напротив, в большей степени ценят обратную связь в виде лайков и комментариев, особенно в старших возрастных группах, что может указывать на различия в мотивации использования социальных сетей между полами. Кроме того, мужчины старшего возраста демонстрируют более спокойное отношение к реакциям на их публикации, в то время как женщины, особенно молодые и старшие

возрастные группы, проявляют более эмоциональное восприятие обратной связи.

Предпочтение мессенджеров как основного способа общения среди всех возрастных групп подчеркивает их значимость в современном цифровом взаимодействии, однако личное общение продолжает играть важную роль, особенно среди старших респондентов.

Второй этап исследования заключался в прохождении психометрических методик.

Результаты теста Шапиро-Уилка указали на отклонение от нормального распределения для всех ключевых переменных (в этом случае это психометрические шкалы: шкала киберостракизма и ее субшкалы «Прямое исключение», «Непрямое исключение» и «Игнорирование», краткий опросник Большой пятерки со шкалами «Экстраверсия», «Согласие», «Добросовестность», «Эмоциональная стабильность», «Открытость опыту» и Дифференциальный опросник переживания одиночества со шкалами «Общее переживание одиночества», «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество»), что обосновало использование непараметрических методов анализа данных в дальнейшем.

Таблица 1. Описательные статистики ключевых переменных

	N	Mdn	Q1	Q3	IQR	Range
Киберостракизм (прямое исключение)	172	4,0	1,0	6,0	5,0	10,0
Киберостракизм (непрямое исключение)	172	1,0	0,0	3,0	3,0	10,0
Киберостракизм (игнорирование)	172	6,0	2,0	9,0	7,0	16,0
Шкала киберостракизма	172	11,0	6,0	16,0	10,0	34,0
КОБП Экстраверсия	172	4,0	3,0	5,0	2,0	6,0
КОБП Согласие	172	4,0	4,0	5,0	1,0	6,0
КОБП Добросовестность	172	5,0	4,0	6,0	2,0	5,0
КОБП Эмоциональная стабильность	172	4,0	3,0	4,0	1,0	6,0
КОБП Открытость опыту	172	5,0	5,0	6,0	1,0	5,0
ДОПО Общее переживание одиночества	172	12,0	9,0	16,0	7,0	21,0
ДОПО Зависимость от общения	172	12,0	10,0	17,0	7,0	19,0
ДОПО Позитивное одиночество	172	28,0	22,75	31,0	8,25	27,0

Пропущенных значений не было найдено.

Для некоторых переменных, например, шкалы киберостракизма, шкалы «Зависимость от общения» Дифференциального опросника переживания одиночества были получены противоречивые результаты — очень большой размах данных, большой межквартильный размах, поэтому было принято решение проверить данные на выбросы.

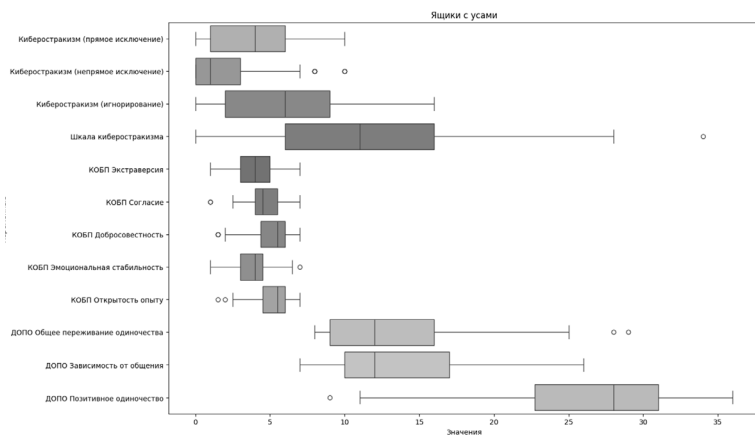

Рис. 1. «Ящики с усами» для ключевых переменных

На Рисунке 1 наглядно видно наличие выбросов в переменных и широкий размах данных, при этом выбросы не выходят за пределы трех межквартильных размахов, поэтому было принято решение сохранить выборку такой, какая она есть, и считать широкий разброс данных у некоторых переменных как высокую вариативность испытываемых респондентами эмоций, которые выражены в широком разбросе значений.

Для проверки гипотезы о влиянии пола был просчитан U-критерий Манна—Уитни (см. табл. 2). Так как не было выявлено статистически значимых различий ($p > 0,05$), полученные данные не показали влияния пола на уровень одиночества и киберостракизма.

Критерий Краскела—Уоллиса был просчитан для проверки различий по возрасту (см. табл. 2). В возрастных группах наблюдаются значимые различия по некоторым переменным: во-первых, в субшкалах «Прямое исключение» ($p < 0,05$) и «Игнорирование» ($p < 0,05$), во-вторых, в шкалах «Зависимость от общения» ($p < 0,001$) со средним эффектом $\eta^2 = 0,08$ и «Позитивное одиночество» ($p < 0,05$).

Таблица 2. Критерии Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса по ключевым переменным

	Mann-Whitney U	p	η^2	Kruskal-Wallis H	
Киберстраклизм (прямое исключение)	2023,00	0,21	0,03	6,54	0,04
Киберстраклизм (непрямое исключение)	2422,50	0,75	-0,01	0,05	0,98
Киберстраклизм (игнорирование)	2639,50	0,26	0,04	8,73	0,013
Шкала киберстраклизма	2486,50	0,59	0,02	4,75	0,09
ДОПО Общее переживание одиночества	2110,00	0,36	0,02	5,73	0,06
ДОПО Зависимость от общения	2297,00	0,85	0,08	15,33	0,000
ДОПО Позитивное одиночество	2388,50	0,87	0,06	11,34	0,003

Закономерным выводом является поиск корреляций в различных возрастных группах, которые были выделены: группа молодых людей (18–25 лет), группа людей среднего возраста (26–40 лет) и группа старших (41+ лет). В итоге получилось три возрастные группы, где далее будут проверяться эффекты одиночества на переживание киберстраклизма: младшая возрастная группа ($n = 70$), средняя ($n = 63$) и старшая ($n = 39$). Чтобы подтвердить значимость такого разделения, был посчитан критерий Манна-Уитни между каждой группами возрастов по всем ключевым для анализа переменным (см. табл. 3).

Таблица 3. Критерий Манна-Уитни для возрастных групп по ключевым переменным

	Группы 18–25 и 26–40		Группы 18–25 и 41+		Группы 26–40 и 41+	
	Mann-Whitney U	p	Mann-Whitney U	p	Mann-Whitney U	p
Киберстраклизм (прямое исключение)	2442,50	0,28	1634,00	0,09	1336,50	0,45
Киберстраклизм (непрямое исключение)	2507,00	0,14	1140,00	0,14	880,00	0,01
Киберстраклизм (игнорирование)	2832,00	0,00	1552,50	0,23	1039,50	0,19
Шкала киберстраклизма	2731,00	0,02	1449,50	0,59	1021,50	0,15

ДОПО Общее переживание одиночества	2551,50	0,12	1735,00	0,02	1351,00	0,40
ДОПО Зависимость от общения	2634,00	0,04	1913,50	0,00	1506,50	0,06
ДОПО Позитивное одиночество	1747,50	0,04	1077,00	0,07	1218,00	0,94

Анализ критерия Манна-Уитни показывает, что значимые различия для выделенных возрастных групп были выявлены для возрастных групп 26–40 и 41+ лет по субшкале «Непрямое исключение» ($U = 880$, $p < 0,01$), возрастных групп 18–25 и 26–40 лет по субшкале «Игнорирование» ($U = 2832$, $p < 0,01$). По общему баллу шкалы киберостракизма различия наблюдаются для возрастных групп 18–25 лет и 26–40 лет ($U = 2731$, $p = 0,02$). Кроме того, по шкале «Общее переживание одиночества» были обнаружены статистически значимые различия между возрастными группами 18–25 и 41+ лет ($U = 1735,00$, $p = 0,02$), различия по шкале «Зависимость от общения» между возрастными группами 18–25 и 26–40 лет ($U = 2634,00$, $p < 0,05$) и между возрастными группами 18–25 и 41+ лет ($U = 1913,50$, $p < 0,01$). Наконец, значимые различия наблюдаются между возрастными группами 18–25 и 26–40 лет по шкале «Позитивное одиночество» ($U = 1747,5$, $p < 0,05$).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- есть значимые различия в проявлении киберостракизма между молодыми взрослыми и взрослыми средних возрастов ($p = 0,02$), хотя между группами 18–25 и более 41 года ($p = 0,59$), а также 26–40 и 41+ ($p = 0,15$) значимых различий нет;

- ощущение непрямого исключения при переживании киберостракизма значимо различается между взрослыми средних и старших возрастов ($p < 0,01$). Однако такие различия не наблюдаются между группами 18–25 и 26–40 лет, а также между группами 18–25 и 41+ лет;

- ощущение игнорирования при переживании киберостракизма значимо различается между младшими (18–25 лет) и средними взрослыми (26–40 лет) ($p < 0,01$). Однако такие различия не наблюдаются между группами 18–25 и 41+ лет, а также между группами 26–40 и 41+ лет.

Также выделены возрастные группы и статистически подтверждено, что они имеют различные психологические характеристики. Это обуславливает целесообразность деления выборки на возрастные группы для более детального анализа, а различия дают основания для

проведения дальнейшего корреляционного анализа с прицелом на эти возрастные группы.

На основе выделенных возрастных групп для проверки связи между переменными был проведен корреляционный анализ с применением метода ранговой корреляции Спирмена. Корреляции проводились на трех уровнях выборки, ранее разделенной по возрастным категориям: в возрастах 18–25 лет, 26–40 лет и возрастах 40 и более лет.

Результаты корреляционного анализа в группе 18–25 лет показали несколько значимых связей между шкалами одиночества и субшкалами киберостракизма. Прежде всего, обнаружена положительная корреляция между общим переживанием одиночества и субшкалами шкалы киберостракизма «Непрямое исключение» ($r = 0,38, p < 0,01$) и «Прямое исключение» ($r = 0,25, p < 0,05$). Эти данные свидетельствуют, что молодые люди, подвергающиеся исключению в цифровой среде, чаще испытывают общее чувство одиночества.

Кроме того, значимая положительная связь обнаружена между общим переживанием одиночества и субшкалой киберостракизма «Игнорирование» ($r = 0,30, p < 0,05$), а также между общим переживанием одиночества и суммированной шкалой киберостракизма ($r = 0,37, p < 0,01$). То есть среди молодых людей субъективное ощущение игнорирования в социальных сетях не так сильно, как общий уровень переживания киберостракизма, но прямо влияет на общий уровень одиночества.

Интересно, что между зависимостью от общения и общей шкалой киберостракизма также выявлена значимая положительная корреляция ($r = 0,25, p < 0,05$), что можно рассматривать как тенденцию к зависимости от общения у людей, которые и подвергаются киберостракизму в целом среди молодых людей в возрастах 18–25 лет.

В возрастной группе 26–40 лет существует значимая положительная корреляция между уровнем общего одиночества и субшкалой киберостракизма «Игнорирование» ($r = 0,33, p < 0,01$). Это означает, что в старшей группе взрослых у людей, которые игнорируются, с повышением уровня игнорирования в цифровом пространстве повышается и уровень одиночества.

В группе 41 и более лет выявлена отрицательная значимая корреляция между общим переживанием одиночества и «Игнорированием» (субшкалой киберостракизма) ($r = -0,35, p < 0,01$). Этот результат показывает обратную связь между общим переживанием одиночества и субъективным ощущением игнорирования в социальных сетях.

Далее был проведен корреляционный анализ по всей выборочной совокупности для проверки связей с кратким опросником «Большая пятерка», и были выявлены значимые корреляции между различными аспектами киберостракизма и одиночества, а также личностными характеристиками участников исследования.

Возраст значимо отрицательно коррелирует с зависимостью от общения ($r = -0,28$, $p < 0,01$), что указывает на то, что молодые люди чаще испытывают потребность в постоянном общении, в отличие от более старших респондентов. Напротив, с возрастом положительно коррелирует позитивное одиночество ($r = 0,18$, $p < 0,05$), свидетельствуя о том, что старшие люди чаще находят ресурс в уединении. Таким образом, возраст влияет на зависимость от общения, но влияние на общее переживание одиночества отсутствует.

Экстраверсия демонстрирует отрицательную корреляцию с общим переживанием одиночества ($r = -0,32$, $p < 0,01$), указывая на то, что экстравертированные люди реже чувствуют себя одиночками. Согласие отрицательно связано с киберостракизмом, субшкалой «Игнорирование» ($r = -0,15$, $p < 0,05$) и общей шкалой киберостракизма ($r = -0,16$, $p < 0,05$), а также с общим переживанием одиночества ($r = -0,23$, $p < 0,01$).

Добросовестность также отрицательно коррелирует с киберостракизмом, особенно с субшкалой «Непрямое исключение» ($r = -0,17$, $p < 0,05$), «Игнорирование» ($r = -0,15$, $p < 0,05$), общей шкалой киберостракизма ($r = -0,16$, $p < 0,05$) и общим переживанием одиночества ($r = -0,30$, $p < 0,05$), что означает, что добросовестные люди меньше подвержены этим негативным явлениям.

Эмоциональная стабильность отрицательно коррелирует с общим переживанием одиночества ($r = -0,25$, $p < 0,01$) и зависимостью от общения ($r = -0,17$, $p < 0,05$), указывая на то, что эмоционально стабильные люди менее склонны к одиночеству и зависимости от общения. Открытость опыту также имеет отрицательные корреляции с различными формами киберостракизма: прямым исключением ($r = -0,18$, $p < 0,05$), непрямым исключением ($r = -0,18$, $p < 0,05$), игнорированием ($r = -0,26$, $p < 0,01$) и общей шкалой киберостракизма ($r = -0,28$, $p < 0,01$).

Кроме того, открытость опыту отрицательно связана с общим переживанием одиночества ($r = -0,21$, $p < 0,01$), что говорит о меньшей склонности к одиночеству у открытых опыту людей.

Общее переживание одиночества положительно коррелирует с субшкалами «Прямое исключение» ($r = 0,22$, $p < 0,01$),

«Игнорирование» ($r = 0,19, p < 0,05$) и общей шкалой киберостракизма ($r = 0,20, p < 0,01$), что подчеркивает влияние киберостракизма на ощущение одиночества. Зависимость от общения одиночества также положительно связана с игнорированием ($r = 0,16, p < 0,05$) и общей шкалой киберостракизма ($r = 0,16, p < 0,05$), указывая на то, что те, кто зависит от общения, чаще сталкиваются с киберостракизмом.

Полученные результаты позволяют ответить на поставленные в работе исследовательские вопросы

Для подтверждения связи проявлений киберостракизма и общего уровня одиночества с возрастом были использованы три корреляционных анализа в различных возрастных группах, поэтому для снижения вероятности ошибки первого рода была рассчитана поправка Бонферрони, уровень значимости с поправкой составил $\alpha = 0,0167$, поправка была учтена для расчета статистической мощности:

– в возрастной группе 18–25 лет выявлена положительная корреляция между общим переживанием одиночества и субшкалой шкалы киберостракизма «Непрямое исключение» ($r = 0,38, p < 0,01$, статистическая мощность — 87%);

– в возрастной группе 26–40 лет обнаружена значимая корреляция между общим уровнем одиночества и субшкалой «Игнорирование» ($r = 0,33, p < 0,01$, статистическая мощность — 71%);

– в группе 41 и более лет выявлена отрицательная корреляция между теми же шкалами ($r = -0,35, p < 0,01$, статистическая мощность — 53%).

С увеличением возраста уменьшается статистическая мощность, что закономерно, так как выборка распределена неравномерно. Это обсуждается подробнее в разделе «Ограничения».

Таким образом, ощущение непрямого исключения при переживании киберостракизма значимо различается между взрослыми средними и старшими возрастами ($U = 880, p < 0,01$, статистическая мощность — 74%).

Молодые люди чаще испытывают потребность в постоянном общении, в отличие от старших респондентов. Подтверждается корреляционным анализом: возраст значимо отрицательно коррелирует с зависимостью от общения ($r = -0,28, p < 0,01$, статистическая мощность — 88% на уровне значимости 0,01).

С возрастом возрастает роль позитивного одиночества, так как старшие люди чаще находят ресурс в уединении. Эта гипотеза также подтверждается положительной корреляцией возраста со

шкалой «Позитивное одиночество» ($r = 0,18$, $p < 0,05$, статистическая мощность — 78% на уровне значимости 0,05).

Заключение и выводы

Для более точной оценки влияния пола рекомендуется проведение дальнейших исследований с более сбалансированной выборкой. Также в структуре занятости не был отражен вариант самозанятости, или фриланса, который стоит учесть в связи с его распространенностью в современном мире и, особенно, с его ролью в цифровом пространстве.

Общее заключение как перспектива для дальнейших исследований может быть сформулировано следующим образом: рекомендуется сделать более однородную, статистически мощную и репрезентативную выборку. Включение аспектов использования социальных сетей респондентами (например, вопросы про наличие VPN) поможет более точно интерпретировать результаты, связанные с ограничениями использования социальных сетей.

Для минимизации ограничений, связанных с методологией, и улучшения качества будущих исследований рекомендуется адаптировать и валидизировать шкалу киберостракизма для использования в России, чтобы обеспечить более точное понимание вопросов респондентами и повысить надежность получаемых данных.

Также проведение длительных лонгитудных исследований позволит лучше изучить изменения в поведении респондентов и их связь с уровнем одиночества и киберостракизмом. Дополнение количественных методов исследования качественными такими, как глубинные интервью и фокус-группы, поможет более глубокому пониманию изучаемых явлений.

В целом полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Существуют значимые различия в проявлении киберостракизма между молодыми взрослыми и взрослыми средних возрастов.

2. Молодые люди, подвергающиеся исключению (субъективному, прямому или косвенному) в цифровой среде, чаще испытывают общее чувство одиночества.

3. У взрослых у людей, которые игнорируются, с повышением уровня игнорирования в цифровом пространстве повышается и уровень одиночества.

4. У молодых людей субъективное ощущение игнорирования в социальных сетях выражено не так сильно, как общий уровень пере-

живания киберостракизма, но прямо влияет на общий уровень одиночества.

5. Экстраверты реже чувствуют себя одинокими, поскольку их активная социальная жизнь и склонность к взаимодействию с другими людьми помогают им справляться с негативными аспектами одиночества.

6. Открытые опыту люди также менее подвержены одиночеству и менее подвержены влиянию различных форм киберостракизма.

7. Эмоциональная стабильность оказывает значительное влияние на уровень одиночества: те, кто обладает этой чертой, обычно лучше справляются с одиночеством.

Литература

- Андреева, Н.А. Личностные и ситуационные факторы цифровой идентичности в современном транзитивном мире // Новые психологические исследования. 2022. Т. 2. № 4. С. 29–48. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_02
- Белинская, Е.П., Шаехов, З.Д. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 3. С. 239–260.
- Голубева, Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
- Корнилова, Т., Чумакова, М. Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТРИ, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. DOI: 10.54359/ps.v9i46.480
- Марцинковская, Т.Д. Цифровая повседневность в хрупком и изменчивом мире // Новые психологические исследования. 2023. № 4. С. 10–28. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_01
- Марцинковская, Т.Д., Андреева (Голубева), Н.А., Преображенская, С.В. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. № 3. С. 347–361.
- Орестова, В.Р., Филиппова, О.С. Психологические характеристики людей, активно использующих виртуальное и дополнительное пространство // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 41–56.
- Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.

- Соловьева, Л.Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7(111). С. 77–82.
- Шураева, Л.Ю., Коринец, А.Г. Социальный эффект «культуры отменъ» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 248–256.
- Ademiluyi, A., Li, C., Park, A. Implications and Preventions of Cyberbullying and Social Exclusion in Social Media: Systematic Review // JMIR Formative Research. Vol. 6. No. 1. P. e30286. DOI: 10.2196/30286.
- Aljohani, E.J., Yafooz, W.M.S., Alsaedi, A. Cyberbullying Detection Approaches: A Review // 2023 5th International Conference on Inventive Research in Computing Applications (ICIRCA). IEEE, 2023. P. 1310–1316.
- Berzonsky, M.D. A social-cognitive perspective on identity construction // In S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.), Handbook of identity theory and research. New York: Springer Science + Business Media, 2011. P. 55–76. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_3.
- Bhattacharya, S., Bashar, M.A., Srivastava, A., Singh, A. Nomophobia: No Mobile Phone Phobia // Journal of Family Medicine and Primary Care. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 1297–1300.
- Brynjolfsson, E., Horton, J.J., Ozimek, A., Rock, D., Sharma, G., TuYe, H.-Y. COVID-19 and Remote Work: An Early Look at US Data. Working Paper No. 27344 // National Bureau of Economic Research, June 2020. DOI: 10.3386/w27344.
- Daraj, L. R., AlGhareeb, M., Almutawa, Y.M., Trabelsi, K., Jahrami, H. Systematic Review and Meta-Analysis of the Correlation Coefficients between Nomophobia and Anxiety, Smartphone Addiction, and Insomnia Symptoms // Healthcare. 2023. Vol. 11. No. 14. P. 2066. DOI: 10.3390/healthcare11142066.
- Dhiman, B. Ethical Issues and Challenges in Social Media: A Current Scenario // TechRxiv. April 25, 2023. DOI: 10.36227/techrxiv.22662844.v1
- Galbava, S., Machackova, H., Dedkova, L. Cyberostracism: Emotional and behavioral consequences in social media interactions // Comunicar. 2021. Vol. 29. No. 67. P. 9–20.
- Ghosting // Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ghosting> (date of access 22.05.2024).
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann Jr, W.B. A very brief measure of the Big-Five personality domains // Journal of Research in Personality. 2003. Vol. 37. No. 6. P. 504–528.
- Halfmann, A., Rieger, D. Permanently on call: The effects of social pressure on smartphone users' self-control, need satisfaction, and well-being // Journal of Computer-Mediated Communication. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 165–181.

- Hatun, O., Demirci, İ. Developing the Cyberostracism Scale and examining its psychometric characteristics // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 1063–1082. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00426-6>.
- Kyriacou, C., Zuin, A. Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age // *Research Papers in Education*. 2016. Vol. 31. No. 3. P. 255–273.
- McKenna, K.Y.A., Green, A.S., Gleason, M.E.J. Relationship formation on the Internet: What's the big attraction? // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. No. 1. P. 9–31.
- Melliani, M., Wahyu Christian, R., Pilenia, P., Oktaria, L., Np Simatupang, D., Enjelia, E., Pradita, Y., Munthe, Y. Face the fear of falling behind in the digital age: recognizing and overcoming FOMO // *Indonesian Journal of Education (INJOE)*. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 599–621. URL: <https://injoe.org/index.php/INJOE/article/view/94> (date of access 22.03.2024).
- Odgers, C.L., Jensen, M.R. Annual Research Review: Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions // *Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines*. 2020. No. 61(3). P. 336–348.
- Orsolini, L., Longo, G., Volpe, U. The mediatory role of the boredom and loneliness dimensions in the development of problematic internet use // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. No. 5. P. 4446.
- Poon, K.T., Chen, Z. Assuring a sense of growth: A cognitive strategy to weaken the effect of cyber-ostracism on aggression // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 57. P. 31–37.
- Powell, D.N., Freedman, G., Williams, K.D., Le, B. Green, H. A multi-study examination of attachment and implicit theories of relationships in ghosting experiences // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2021. Vol. 38. No. 7. P. 2225–2248.
- Riordan, B., Flett, J., Cody, L., Conner, T., Scarf, D. The Fear of Missing Out (FoMO) and event-specific drinking: The relationship between FoMO and alcohol use, harm, and breath alcohol concentration during orientation week // *Current Psychology*. 2021. Vol. 40. DOI: 10.1007/s12144-019-00318-6.
- Singh, S., Thapar, V., Bagga, S. Exploring the hidden patterns of cyberbullying on social media // *Procedia Computer Science*. 2020. Vol. 167. P. 1636–1647.
- Timeo, S., Riva, P., Paladino, M.P. Being liked or not being liked: A study on social-media exclusion in a preadolescent population // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 80. P. 173–181.

- Tobin, S.J., Vanman, E., Verreynne, M., Saeri, A. Threats to belonging on Facebook: Lurking and ostracism // *Social Influence*. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 31–42. DOI: 10.1080/15534510.2014.893924.
- Van Beest, I., Williams, K.D. When inclusion costs and ostracism pays, ostracism still hurts // *Journal of personality and social psychology*. 2006. Vol. 91. No. 5. P. 918–928.
- Velasco, J.C. You are cancelled: Virtual collective consciousness and the emergence of cancel culture as ideological purging // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2020. Vol. 12. No. 5. P. 1–7.
- Wang, T., Mu, W., Li, X., Gu, X., & Duan, W. Cyber-ostracism and wellbeing: A moderated mediation model of need satisfaction and psychological stress // *Current Psychology*. 2022. No. 41. DOI: 10.1007/s12144-020-00997-6.
- What Does It Mean When An Ex-Love Keeps ‘Orbiting’ You Online? // *Forbes* URL: <https://www.forbes.com/sites/traversmark/2023/10/12/what-does-it-mean-when-an-ex-love-keeps-orbiting-you-online/> (date of access 22.05.2024).
- Williams, K.D., Cheung, C.K.T., Choi, W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79. No. 5. P. 748–762.
- Wolf, W., Levordashka, A., Ruff, J.R., Kraaijeveld, S., Lueckmann, J. M., Williams, K.D. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm // *Behavior Research Methods*. 2015. Vol. 47. P. 361–373. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0475-x>.
- Yang, H., Liu, B., & Fang, J. Stress and Problematic Smartphone Use Severity: Smartphone Use Frequency and Fear of Missing Out as Mediators // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article 659288. DOI: 10.3389/fpsy.2021.659288.

Сведения об авторах

Кирилл А. Стрижевский, магистр психологии, Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; imstrizhb@gmail.com

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 21170, Россия, Москва, Куззовский пр-кт, д. 34, стр. 14; Российский государственный гуманитарный университет; Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; martsynkovskaya-td@impysycho.ru

Strizhevsky K.A., Martynkovskaya T.D.
The relationship between the level of loneliness
and the manifestation of cyberostracism

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

The contemporary society is characterized by a high level of digitalization, which significantly alters the nature of social interactions. Social networks and messengers have become fundamental for the formation and maintenance of social connections, but they also serve as sources of negative phenomena such as cyberostracism. The impact of cyberostracism on mental health, especially in the context of loneliness, remains underexplored, underscoring the relevance of this study.

The purpose of this study was to identify and describe the features of experiencing cyberostracism among social media users with varying personality traits and levels of loneliness, as well as to analyze the relationship between these phenomena.

Methods included the Cyberostracism Scale, the Ten-Item Personality Inventory (TIPI), the short version of the Differential Loneliness Experience Questionnaire (DLEQ-3), and an original survey on social media usage. Statistical analysis of the data involved correlation analysis and the application of the Mann-Whitney U and Kruskal-Wallis tests. The study involved 172 participants (138 women and 34 men) aged 18 to 72 years, selected through simple random sampling.

The results revealed that young individuals (18–25 years old) are more likely to experience loneliness when encountering cyberostracism, whereas in older age groups (41 years and older), the impact of cyberostracism on loneliness manifests differently. Personality traits such as extraversion and emotional stability also significantly influence the perception and experience of cyberostracism. Specifically, the findings indicate that extraverts and emotionally stable individuals are less susceptible to the effects of cyberostracism and feelings of loneliness.

The study confirms a close relationship between cyberostracism and levels of loneliness, with age and personality traits significantly affecting the intensity of this experience.

Key words: cyberostracism, loneliness, social networks, digital society, personality factors, digital communication, social isolation

For citation: Strizhevsky, K.A., Martynkovskaya, T.D. (2024). The relationship between the level of loneliness and the manifestation of cyberostracism. *New Psychological Research*, No. 3, 241–268. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_11

References

- Ademiluyi, A., Li, C., & Park, A. (2023). Implications and Preventions of Cyberbullying and Social Exclusion in Social Media: Systematic Review. *JMIR Formative Research*, 6(1), e30286. DOI: 10.2196/30286
- Aljohani, E.J., Yafooz, W.M.S., & Alsaedi, A. (2023). Cyberbullying Detection Approaches: A Review. In *2023 5th International Conference on Inventive Research in Computing Applications (ICIRCA)* (pp. 1310–1316). IEEE.
- Andreeva, N.A. (2022). Personal and situational factors of digital identity in the modern transitive world. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 2(4), 29–48. DOI: 10.51217/psyresearch_2022_02_04_02
- Belinskaya, E.P., & Shaekhov, Z.D. (2023). Psychological well-being and adaptation to the risks of digital world at a young age. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 239–260.
- Berzonsky, M.D. (2011). A social-cognitive perspective on identity construction. In S.J. Schwartz, K. Luyckx, & V.L. Vignoles (Eds.), *Handbook of identity theory and research* (pp. 55–76). New York: Springer Science + Business Media. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_3
- Bhattacharya, S., Bashar, M. A., Srivastava, A., & Singh, A. (2019). Nomophobia: No Mobile Phone Phobia. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 8(4), 1297–1300.
- Brynjolfsson, E., Horton, J.J., Ozimek, A., Rock, D., Sharma, G., & TuYe, H.-Y. (2020). COVID-19 and Remote Work: An Early Look at US Data. Working Paper No. 27344. *National Bureau of Economic Research*. DOI: 10.3386/w27344
- Daraj, L.R., AlGhareeb, M., Almutawa, Y.M., Trabelsi, K., & Jahrami, H. (2023). Systematic Review and Meta-Analysis of the Correlation Coefficients between Nomophobia and Anxiety, Smartphone Addiction, and Insomnia Symptoms. *Healthcare*, 11(14), 2066. DOI: 10.3390/healthcare11142066.
- Dhiman, B. (April 25, 2023). Ethical Issues and Challenges in Social Media: A Current Scenario. *TechRxiv*. DOI: 10.36227/techrxiv.22662844.v1
- Galbava, S., Machackova, H., & Dedkova, L. (2021). Cyberostracism: Emotional and behavioral consequences in social media interactions. *Comunicar*, 29(67), 9–20.
- Ghosting. (n.d.). In Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ghosting> (accessed on May 22, 2024).
- Golubeva, N.A. (2020). Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, 1, 130–150.
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., & Swann Jr, W.B. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528.

- Halfmann, A., & Rieger, D. (2019). Permanently on call: The effects of social pressure on smartphone users' self-control, need satisfaction, and well-being. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 24(4), 165–181.
- Hatun, O., & Demirci, I. (2022). Developing the Cyberostracism Scale and examining its psychometric characteristics. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 20(2), 1063–1082. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00426-6>.
- Kornilova, T., & Chumakova, M. (2016). Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psikhologicheskie issledovaniya*, 9(46). DOI: 10.54359/ps.v9i46.480
- Kyriacou, C., & Zuin, A. (2016). Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age. *Research Papers in Education*, 31(3), 255–273.
- Martsinkovskaya, T.D. (2023). Digital everyday life in a brittle and changing world. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 4, 10–28. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_01
- Martsinkovskaya, T.D., Andreeva (Golubeva), N.A., & Preobrazhenskaya, S.V. (2023). Information identity and perception of information as a new digital everyday life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 3, 347–361.
- McKenna, K.Y., Green, A.S., & Gleason, M.E.J. (2002). Relationship formation on the Internet: What's the big attraction? *Journal of Social Issues*, 58(1), 9–31.
- Melliani, M., Christian, W., Pilenia, P., Oktaria, L., Simatupang, N. P., Enjelia, E., Pradita, Y., & Munthe, Y. (2023). Face the fear of falling behind in the digital age: recognizing and overcoming FOMO. *Indonesian Journal of Education (INJOE)*, 3(3), 599–621. URL: <https://injoe.org/index.php/INJOE/article/view/94> (date of access March 22, 2024).
- Ogders, C.L., & Jensen, M.R. (2020). Annual Research Review: Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, and Allied Disciplines*, 61(3), 336–348.
- Orestova, V.R., & Filippova, O.S. (2022). Psychological characteristics of people actively using virtual and additional space. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, 4, 41–56.
- Orsolini, L., Longo, G., & Volpe, U. (2023). The mediatory role of the boredom and loneliness dimensions in the development of problematic internet use. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4446.
- Osin, E.N., & Leonteiv, D.A. (2013). Differential questionnaire of loneliness experience: Structure and properties. *Psikhologiya. Zhurnal vyzvei sbkoly ekonomiki*, 10(1), 55–81.

- Poon, K. T., & Chen, Z. (2016). Assuring a sense of growth: A cognitive strategy to weaken the effect of cyber-ostracism on aggression. *Computers in Human Behavior, 57*, 31–37.
- Powell, D.N., Freedman, G., Williams, K.D., & Le, B. Green, H. (2021). A multi-study examination of attachment and implicit theories of relationships in ghosting experiences. *Journal of Social and Personal Relationships, 38*(7), 2225–2248.
- Riordan, B., Flett, J., Cody, L., Conner, T., & Scarf, D. (2021). The Fear of Missing Out (FoMO) and event-specific drinking: The relationship between FoMO and alcohol use, harm, and breath alcohol concentration during orientation week. *Current Psychology, 40*. DOI: 10.1007/s12144-019-00318-6.
- Shuraeva, L.Yu., & Korinets, A.G. (2022). Social effect of “cancel culture” on the digital environment by example of generations Y and Z. *Vestnik universiteta, 12*, 248–256.
- Singh, S., Thapar, V., & Bagga, S. (2020). Exploring the hidden patterns of cyberbullying on social media. *Procedia Computer Science, 167*, 1636–1647.
- Solovieva, L.N. (2023). Loneliness in the “Society of Universal Communication”: Paradox of digital modernity. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kultura, 7*(111), 77–82.
- Timeo, S., Riva, P., & Paladino, M.P. (2020). Being liked or not being liked: A study on social-media exclusion in a preadolescent population. *Journal of Adolescence, 80*, 173–181.
- Tobin, S.J., Vanman, E., Verreynne, M., & Saeri, A. (2015). Threats to belonging on Facebook: Lurking and ostracism. *Social Influence, 10*(1), 31–42. DOI: 10.1080/15534510.2014.893924.
- Van Beest, I., & Williams, K.D. (2006). When inclusion costs and ostracism pays, ostracism still hurts. *Journal of Personality and Social Psychology, 91*(5), 918–928.
- Velasco, J.C. (2020). You are cancelled: Virtual collective consciousness and the emergence of cancel culture as ideological purging. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities, 12*(5), 1–7.
- Wang, T., Mu, W., Li, X., Gu, X., & Duan, W. (2022). Cyber-ostracism and wellbeing: A moderated mediation model of need satisfaction and psychological stress. *Current Psychology, 41*. DOI: 10.1007/s12144-020-00997-6.
- What Does It Mean When An Ex-Love Keeps ‘Orbiting’ You Online? (2023, October 12). Forbes. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/traversmark/2023/10/12/what-does-it-mean-when-an-ex-love-keeps-orbiting-you-online/> (accessed on May 22, 2024).
- Williams, K.D., Cheung, C.K.T., & Choi, W. (2000). Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology, 79*(5), 748–762.

- Wolf, W., Levordashka, A., Ruff, J.R., Kraaijeveld, S., Lueckmann, J.M., & Williams, K.D. (2015). Ostracism Online: A social media ostracism paradigm. *Behavior Research Methods*, 47, 361–373. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0475-x>.
- Yang, H., Liu, B., & Fang, J. (2021). Stress and Problematic Smartphone Use Severity: Smartphone Use Frequency and Fear of Missing Out as Mediators. *Frontiers in Psychiatry*, 12, Article 659288. DOI: 10.3389/fpsy.2021.659288.

Information about the authors

Kirill K. Strizhevsky, master of psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya square, Moscow, Russia, 125047; imstrizb@gmail.com

Tatyana D. Martsinkovskaya, Sc.D. (Psychology), Associate professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 14–34, Kutuzovskiy prospect, Moscow, Russia, 121170; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya square, Moscow, Russia, 125047; martsynkovskaya-td@inpsycho.ru